

4-IX-41 г.

Мои дорогие!

Вчера получила вашу телеграмму и сейчас дала ответную. Неужели вы от меня не получаете письма? Я пишу довольно-таки часто. Вы обо мне не беспокойтесь. Заболеть я не могу, уже очень закалилась летом, ведь мы работали и в холод и дождь и по колено в воде, я все же не заболела, а теперь тем более. Занятия в институте начались с первого августа, мы опоздали и теперь нагоняем.

Уже 25-го сентября начнутся курсовые экзамены, а сегодня уже 4 сентября. Осталось 21 день, а когда вы получите письмо, еще меньше останется.

В Москве сейчас спокойно, налетов не было уже дней 7 и едва ли они теперь будут.

У вас, наверное, говорят, что от Москвы мало, что осталось? Не верьте. Если где и были сброшены бомбы, так сейчас почти и не видно, потому что сразу же восстанавливают. А вообще ничего страшного нет. Наверное, у нас в Кемерово много приезжих сейчас из Москвы, потому что эвакуируют целые наркоматы к вам в Сибирь.

Меня интересует, как у вас обстоят дела с продуктами, все ли есть, что вы кушаете. В Москве введены карточки. Хлеба на рабочего 600 гр., на нас студентов 600 гр. Карточки так же на мясо, сахар, крупу. Всего вполне достаточно. Кроме того, есть магазины, где продается все свободно, но по коммерческой цене. Очень хорошо сделали, что ввели карточки, а то бы опять ничего нельзя бы было достать.

Все сейчас стараются работать как можно больше. Каждый хоть как может, помогает укреплению обороноспособности. Каждые воскресенья устраиваются воскресники, деньги, которые зарабатываются, отдаются в фонд обороны.

Наши ребята сейчас все на фронте. Двое уже ранены, лежат в госпитале. Вчера мы всем институтом послали им подарки.

Я стала донором. Вы не пугайтесь, сейчас из нас все девушки доноры. Организм ничего не теряет, если отдает 200 грамм крови, через несколько дней он ее опять восстанавливает. Эти капли крови, может быть, спасут человеческую жизнь, а она нам сейчас очень дорога.

Я вам посылаю мои карточки, это я фотографировалась на паспорт (у меня теперь московский паспорт). Первый раз сфотографировали, на лбу получился шрам, не приняли, пришлось фотографироваться второй раз. Видите, у меня теперь даже прическа другая, вы меня не узнаете.

Да, мне ведь уже исполнилось 22 года. «Большая да дурная» - как говорит бабушка. Как она сейчас? Все, наверное, по очередям стоит, у дяди Володи табачок тянет. Как жаль, что я не была в этом году дома!

Мне иногда так скучно станет, не знаю, что отдала бы, чтобы побывать вместе с вами. Дядь Володя, а вам, наверное, и покурить нечего! В Москве папирос тоже нет, но табак пока есть. Плохо, что нельзя посылать посылки.

Мы занимаемся сейчас по 7 часов. Спать приходится ложиться рано, потому что огня у нас в институте нет, вставать тоже рано, как старушки. Вы бы мне хоть писали чаще, дядя Володя не написал даже ни одного слова. Хоть поделился бы как работа, что думает о войне. Была бы я дома, мы поразговаривали бы, поспорили бы, как это было раньше. Как хочется домой! Но ничего, когда-нибудь буду.

В феврале мы кончаем институт. Что будет дальше пока неизвестно. Пишите мне чаще, несмотря на то, что получаете от меня или нет. Пишите. Крепко всех троих целую.